

© 2009 г. Е.В. РАХИЛИНА, ЛИ СУ-ХЁН

**СЕМАНТИКА ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ
В РУССКОМ ЯЗЫКЕ***

Статья содержит корпусное исследование русских генитивных конструкций со словами *куча*, *гора*, *ворох* и под. и подробное описание ограничений на их употребление. Показано, что эти конструкции образуют своего рода категорию «лексической множественности», которая существует наряду с грамматической и представляет собственную систему нетривиальных семантических противопоставлений в количественной зоне, различая множество объектов по качественным признакам, как например, разнородность составляющих объектов, их упорядоченность, оценочность и др.

1. ВВЕДЕНИЕ: ПОНЯТИЕ КОЛИЧЕСТВЕННОГО КВАНТИФИКАТОРА

Квантификация – обширная область, которая выражается, в частности, значениями грамматической категории числа. Система русского числа, с его единственным грамматическим противопоставлением Sg–Pl производит впечатление очень простой, бедной и бесхитростной на фоне языков, в которых есть еще и двойственное, тройственное или паукальное значение этой категории. Но это впечатление меняется, как только мы принимаем в расчет квантификативную **лексику**, о которой и пойдет речь в настоящей статье.

Непосредственным объектом нашего исследования¹ были предметные имена, которые в исходном своем значении называют конкретные предметы, но в составе именной генитивной конструкции, сочетаясь с другим предметным именем, – обычно обозначающим множество объектов – претерпевают сдвиг значения, частично грамматикализуясь, и становятся количественными квантификаторами со значением неопределенно-большого количества, что-то вроде ‘очень много’, окрашенное субъективной оценкой.

Ярким примером количественного квантификатора может служить слово *гора* или слово *море*. В своем исходном значении оба они называют природные объекты; семантическая структура в этом качестве, согласно традиционным представлениям, не содержит никаких аргументов, т.е. они не являются предикатами и сами заполняют аргументные места предикатов – бытийных, локативных и др., ср. *в море плескались волны, на горе стоял дом* и под. Однако генитивная конструкция, в которой эти имена могут выступать в качестве вершинных (ср.: *гора книг, море людей*), провоцирует

* Статья написана при частичной поддержке проекта ОИФН РАН “Конструкции и динамика текста” и (для Ли Су-Хён) фонда Korean Government (MOEHRD, Basic Research Promotion Fund, грант KRF-2007-327-A00872). На разных этапах исследования материал был представлен на ряде конференций и семинаров; мы благодарны всем участникам этих обсуждений, и прежде всего А.А. Гиппиусу, С. Дёнингхаус, В.А. Плунгяну, А.Д. Шмелеву. Особая благодарность – Ю.Д. Апресяну за детальные замечания к тексту настоящей статьи.

¹ Результаты получены на материале Национального корпуса русского языка (ruscorpora.ru) и наиболее полно отражены в [Ли Су-Хён 2005]; начальный этап исследования представлен в работе [Ли Су-Хён, Рахилина 2005], а частные его аспекты – в тезисах ICLC 2005 и FASL 13.

сдвиг их значения². В данном случае сдвиг состоит в том, что имя переходит в класс предикативных, или реляционных имен, имеющих собственный аргумент, который заполняется множеством. Тем самым, оно уже не обозначает предмета, а оценивает (причем завышенно) количество объектов в таком множестве.

Некоторые из интересующих нас имен – такие как *букет* – изначально имеют двойственную природу, обозначая конкретный предмет внешнего мира, представляющий собой множество объектов определенного рода (ср. *букет цветов*), поэтому они способны выступать в генитивной конструкции уже и в исходном значении. В таком случае маркером их перехода в класс квантификаторов является значительное расширение сочетаемости, ср. *букет цветов* – *букет проблем*, которое, как в случае с исходно нереляционными именами, сопровождается приобретением ими чисто количественной семантики с оценочным компонентом. Все это означает, что рассматриваемые нами имена втягиваются в процесс г р а м м а т и к а л и з а ц и и³: для каждого из них в этот момент начинается его постепенный выход из статуса обычной лексической единицы, и теоретически этот процесс может закончиться даже переходом в грамматический показатель.

Соответствующая группа лексики в русском языке составляет довольно обширную (хотя и малоизученную) область – по нашим оценкам, таких слов по крайней мере около трех десятков⁴, ср. следующий список, который будет служить материалом для этой статьи: *арсенал, батарея, бездна, букет, вагон, воз, ворох, гора, град, гряда, дождь, куча, лавина, лес, море, океан, охавка, поток, пропасть, прорва, река, россыпь, туча, фейерверк, фонтан, шквал*. К нему можно было бы добавить разве что числовые корреляты⁵ и несколько малоупотребительных лексем – таких как, например, *кладезь, галерея, караван, батарея* – в любом случае, общий перечень не превысит сорока единиц.

Замечание. О квантификаторах малого количества.

Насколько нам известно, русистами исследовались пока только квантификаторы большого количества – см. прежде всего [Мишулова 1968; Левонтина 2004; Перетятко 1972; Тихонова 1971; Doenninghaus 2001] – видимо, именно потому, что их в русском языке действительно много⁶: любой носитель языка без труда вспомнит с ходу несколько способов выражения преувели-

² Возможность семантического сдвига под действием контекстных условий давно описана в литературе; в формальной семантике она, в частности, известна под названием *coercion* (см. [Partee 1986; 2007], а также, например [Michaelis 2005]).

³ Подробнее см. след. раздел.

⁴ Есть и другая точка зрения. Так например, по данным [Ляшкевич 1985], таких слов в русском языке более 100, однако при таком подходе в список входят и имена множеств типа *армия, группа, полчище, рой, табун, толпа*, которые мы рассматриваем отдельно, считая, что им свойствен несколько другой механизм семантического сдвига, так как исходная семантика этих имен уже содержит идею множества и связанную с ним идею большого количества. Список в [Тихонова 1971] еще обширнее: 140 слов, но он включает все существительные, возможные в генитивной конструкции со значением ‘много’, в том числе и *множество, масса, тьма, уйма* и др., и даже наречия *много, немало* и др. Для наших задач такое расширение списка было бы неоправданно.

⁵ В ряде случаев интересующий нас семантический сдвиг свойствен не только форме единственного числа, но и форме множественного, ср.: *гора/горы проблем* – *туча/тучи брызг*, причем интересно, что числовые формы не всегда симметрично ведут себя при сдвиге значения: чаще всего квантификатором становится все-таки форма единственного числа (*лес/*леса рук*), хотя возможно и предпочтение множественного числа (*реки/*река слез*), ср. также раздел 5; подробнее см. [Ли Су-Хён 2005].

⁶ По мнению специалистов-фразеологов, ‘большое количество’ оказывается самым представительным таксоном в русском языке, см. [Баранов, Добровольский 2007].

ченного числа предметов. Список же слов, обозначающих малое или преуменьшенное количество, в русском очень короткий: *капля, капелька, крошка, кучка, горстка*⁷.

Самым частотным из них является слово *капля* и его диминутив *капелька*. На их примере видно, что синтаксическое поведение квантификаторов малого количества в русском языке может существенно отличаться от поведения квантификаторов большого количества: последние никогда не выступают под отрицанием (ср. пары типа: *видел горы мусора* – **не видел ни горы мусора*), тогда как для первых, наоборот, отрицательные контексты часто наиболее естественны, а «положительные» – могут быть и несвойственны вовсе, ср. (1–2), а также явно устаревшее (3):

- (1) *Он снова перевел взгляд на открытки – и увидел совсем иные изображения: на каждом из этих лиц вдруг прочел от поведения квантификаторов большого количества: последние никогда не выступают под отрицанием (ср. пары типа: видел горы мусора – *не видел ни горы мусора), тогда как для первых, наоборот, отрицательные контексты часто наиболее естественны, а «положительные» – могут быть и несвойственны вовсе, ср. (1–2), а также явно устаревшее (3):*
- (1) *Он снова перевел взгляд на открытки – и увидел совсем иные изображения: на каждом из этих лиц вдруг прочел от поведения квантификаторов большого количества: последние никогда не выступают под отрицанием (ср. пары типа: видел горы мусора – *не видел ни горы мусора), тогда как для первых, наоборот, отрицательные контексты часто наиболее естественны, а «положительные» – могут быть и несвойственны вовсе, ср. (1–2), а также явно устаревшее (3):*
- (2) *Класс новых собственников создавался искусственно: путем дележа народной собственности, в создание которой они не внесли **ни капельки** своего труда* (В. Сафрончук. Россия вызывает огонь на себя // Советская Россия. 2003);
- (3) *Свиданье! Разбей этот кубок: в нем **капля** надежды таится* (А.А. Фет).

Эта асимметричность обусловлена функциональным различием: квантификатор большого количества, как мы увидим ниже, по большей части сопряжен с некоторым качественным (часто зрительным) образом множества, которое он обозначает, тогда как квантификатор малого количества часто используется для того, чтобы подчеркнуть полное отсутствие объекта – даже самой малой его части – как в (1–2), либо почти полное – за исключением той самой малой части – в этом случае используются конструкции, которые можно было бы назвать «квазиотрицательными» – с частицами *только, лишь* или *хоть / хотя бы*:

- (4) *Слушайте, – спросил я, – а вы случайно не буйный? – Что вы имеете в виду? – Я имею в виду, что, если у вас **хоть капля** разума сохранилась, не вздумайте на меня нападать* (В. Войнович. Москва 2042);
- (5) *Спектакли, как им и положено, уходят в небытие, оставляя после себя **лишь горстку** фотографий, противоречивые рецензии и сомнительные легенды* (В. Катаян. Лоскутное одеяло).

Выясняется, что *капля* и *капелька* фактически не встречаются вне отрицательных и квазиотрицательных контекстов, в их составе они оценивают количество вещества (1) или (метафорически) объем свойства или состояния (4); *горстка* и *кучка* предпочитают отрицательным квазиотрицательным контекстам (5) и возможны в утвердительных предложениях, но в них сочетаются в основном с именами лиц, ср. *горстка / кучка / *капля людей, пассажиров, ловких дельцов* и др.

Если опираться на функциональную идею, о которой мы говорили выше, такое распределение вполне ожидаемо: вещества (и – метафорически – свойства и состояния) легко представить себе в отрицательных контекстах описанного рода, потому что квантификатор вводит в соответствующую ситуацию минимальный его квант (отсутствующий в ней – если отрицание пол-

⁷ В тот же ряд могут быть поставлены слова *единицы* и *крохи*. Правда, они употребляются безобъектно (*остались крохи*) и только в форме множественного числа; особенностью квантификатора *единицы* является его узкая сочетаемость: им «считаются» только люди, ср.: *пришли единицы*. В качестве коррелятов большого количества *единицы* имеет лексемы *десятки, сотни, тысячи* – но эти слова имеют исходным значением не предмет, а ‘множество’, и здесь не рассматриваются (см. сноску 3).

Помимо этого, в [Ляшкевич 1985: 108] указывается еще ряд слов со значением «неопределенно малого, незначительного количества»: *волночка, горка, грамм, искорка, искра, клочок, комочек, краешек, крупишка, крупица, кусочек, снопик, стайка, струйка, табунок, тень, уголок, цепочка, частица, обрывочки*. Однако круг сочетаемости у этих лексем слишком узок, многие из них используются лишь в окказиональном авторском употреблении, например, *волночка* или *снопик*, некоторые, как *стайка, табунок* происходят от названия групп (см. сноску 4), и в целом эти лексемы практически не применимы ни для счета людей, ни для счета абстрактных сущностей – за единичными исключениями, как *искра/крупица правды*, так что пока, по нашему мнению, они не могут считаться полноценными квантификаторами.

ное, как: *ни капли*, и присутствующий, если почти полное, как: *хоть каплю*). С дискретными предметами и живыми существами минимальный квант задан заранее и не нуждается в определении: это единичный объект – скажем, один человек, или одна фотография, как в (5), – не меньше и не больше. Поэтому те квантификаторы малого количества, которые «специализируются», например, на именах лиц, неестественны в отрицательных контекстах – разве что в квазитрицательных с *хоть*, *лишь* и под., ср. (5).

Исследуемый нами лексический материал дает множество квазисинонимов, обозначающих большое количество. Действительно, если признать, что в квантификативном значении все эти десятки имен типа *море*, *лес*, *реки*, *вагон* и проч. обслуживают одну и ту же количественную зону и, вероятнее всего, имеют между собой какие-то, пусть не сразу видные, семантические различия, то 'большое количество' оказывается областью исключительного богатства противопоставлений. Пожалуй, ни одна из семантически «богатых» грамматических категорий, как, например, вид или наклонение, не смогла бы, если принять во внимание предлагаемый языковой материал, сравниться с количеством.

С другой стороны, говоря о таком сравнении, мы невольно ставим эти категории в неравные условия, ведь в собственно грамматической зоне количественных значений в языках мира засвидетельствовано совсем не много, и наша, назовем ее условно «**лексическая множественность**» их набор не расширяет: квантификаторы не могут выразить ни пятиричное, ни какое-то другое *n*-ричное число. Лексическая множественность дополняет количественную ситуацию *качественными* параметрами – и в этом смысле принципиально отличается от грамматической (и, наоборот, по-видимому, сходится с зонами вида, наклонения и остальных семантически наполненных категорий, которые также могут иметь дополнительные противопоставления, выражаемые квазиграмматическими средствами).

В настоящей работе мы хотели бы описать основные качественные параметры ситуаций множественности, свойственные русскому языку, и для некоторых из них оценить типологическую релевантность, обобщив дескриптивные результаты, полученные в [Ли Су-Хён 2005]. Для этого прежде всего нужно установить границы употребления русских количественных квантификаторов и различия между квазисинонимами, а также степень грамматикализованности каждой конструкции. Мы начнем с проблем грамматикализации (раздел 2), потом обсудим семантику количественных значений (разделы 3 и 4) и исходя из этого установим значения лексической множественности в русском языке (раздел 5), а в Заключении (раздел 6) попробуем выйти за рамки русского языка с тем, чтобы обсудить его свойства в более широкой перспективе.

2. ГРАММАТИКАЛИЗАЦИЯ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЛЕКСЕМ

Термин «грамматикализация» был впервые введен А. Мейе. Сущность грамматикализации – в узком смысле – состоит в том, что некоторое лексическое языковое выражение приобретает грамматическую функцию (из многочисленных работ на тему грамматикализации укажем [Heine, Kuteva 2002; Hopper, Traugott 2003], а также [Lee 2000] и обзоры в [Плунгян 2000; Майсак 2005]).

В ходе грамматикализации, т.е. появления новой грамматической функции, происходят два главных процесса: сдвиг значения и *декатегоризация* – это верно и для рассматриваемой нами именной генитивной конструкции: сначала в ней происходит *декатегоризация* (превращение из предметного имени в квантификатор) с частичной потерей (или «выветриванием») исходного лексического значения и одновременно *рекатегоризация* с появлением нового значения из универсального грамматического набора (подробнее см. [Плунгян 2000]), которым определяются новые ограничения, в том числе сочетаемость внутри конструкции.

Исследования показывают, что русские квантификаторы неравномерно распределены по степени грамматикализованности, так что оба крайних полюса этой шкалы

оказываются заняты. В самом деле, среди количественных квантификаторов имеются слова, тесно связанные исходным лексическим значением – примером здесь может служить имя *копна*. В квантификативных контекстах *копна* сохраняет идею конусообразной формы и особой структуры объекта, количество которого количественно оценивается. Но как квантификатор, *копна* применяется только к волосам, «похожим» на сено / солому (с которыми имя *копна* связано в исходном своем значении); *копна волос* ≈ ‘очень много (с точки зрения говорящего, может быть, больше, чем на самом деле) волос на голове человека, которые при этом имеют форму, сходную с формой стога сена / соломы’. Поскольку семантическая связь квантификатора и определяемого имени в данном случае фиксирована, т.е. произошла жесткая лексикализация этой конструкции, квантификатор *копна* м и н и м а л ь н о грамматикализован.

Понятно, что м а к с и м а л ь н а я степень грамматикализации квантификатора, напротив, предполагает практическое отсутствие лексических ограничений на его сочетаемость в генитивной конструкции. Именно так, по-видимому, в русском языке устроено слово *куча* – оно сочетается и с одушевленными именами, и с именами предметов, веществ, и с абстрактной лексикой (подробнее см. [Левонтина 2004; Ли Су-Хён 2005]), ср. также следующие примеры:

- (6) *Но почему вы не рассказали об этом в прошлый раз? Почему не назвали именно эти фамилии? Вы назвали кучу людей, – он вытащил из дела Саши узенький листок, Саша его раньше не видел* (А. Рыбаков. Дети Арбата);
- (7) *<...> взрослые серьезные люди только что ни с того ни с сего взяли и съели целую кучу мухоморов* (В. Пелевин. Музыка со столба);
- (8) *Мне один малый говорил, что там можно заработать кучу денег* (В. Аксенов. Звездный билет);
- (9) *<...> наговорив ей кучу глупостей о ее красоте и иных достоинствах <...>* (А. Кабаков. Последний герой).

Плохо сочетается данный квантификатор разве что с жидкостями, ср. ^{??}*куча воды, крови* и с состояниями, метафоризирующимися как жидкости (возможно: *море удовольствия*, но не: *куча удовольствия*). Согласно гипотезе [Ли Су-Хён 2005], это может объясняться семантическим конфликтом между гомогенностью жидкости и тем специальным акцентом на беспорядочности множества, который делает этот квантификатор. О роли компонента ‘беспорядочность’ в семантике лексем этой группы написано и в [Левонтина 2004]; по нашему мнению, косвенным подтверждением релевантности этого признака для данного квантификатора служит стилистическая маркированность *куча* по сравнению с нейтральными *много/множество/большое число/большое количество X*, которые свободно употребляются в официальной речи, ср.: *Большое число (*куча) участников войны удостоено правительственных наград*.

Схематически противопоставление по степени грамматикализованности можно представить в виде следующей шкалы:

Степень грамматикализованности:

Как видим, приведенная шкала отражает процесс грамматикализации, так сказать, «в слабом смысле» – т.е. не буквально, как превращение существительного с предметным значением в служебную морфему, а как его переход в другой функциональный класс – служебной или полуслужебной лексики. Имя *куча* успешно двигалось по этой шкале и почти достигло этого нового состояния, а имя *копна* «застрыгло» в самом ее

начале. Остальные квантификаторы – такие как *груда, гора, туча* и под. располагаются где-то в промежутке: все они имеют какие-то ограничения на сочетаемость, причем ключевым здесь оказывается возможность употребляться с именами лиц. Дело в том, что в основном эти квантификаторы, будучи сами исходно предметными именами, «считают» неодушевленные предметы – именно так устроены *груда, гора* и *туча*, ср. *груда мусора* / **людей*, *гора бумаг* / **милиционеров*, *туча стрел* / **солдат* (ср., однако, возможное *туча птиц*), ср. также примеры из НКРЯ:

- (10) <...> *светилось несколько ламп в этой огромной люстре, и отсвечивала гора разноцветных бутылок, а в дальнем углу желтела пирамида лимонов и колбасы* <...> (В. Аксенов. Апельсины из Марокко);
- (11) *Ветер гнал в море тучи искр, и они гасли в свинцовых водах* (Р. Штильмарк. Наследник из Калькутты).

Однако наиболее грамматикализованные, а именно: *куча, бездна, лавина, море, океан, поток, река* допускают и сочетаемость с именами лиц (ср. *куча детей, бездна народу* и др.).

Замечание.

Квантификаторы, специально ориентированные на одушевленные объекты – *армия, полк, табун, стайка* и под. (ср. здесь сноску 5), следует, по нашему мнению, выделять в особый класс: они образуются из названий групп, т.е. множеств, а не единичных физических объектов и в языковом отношении тоже ведут себя иначе. Показательным в этом отношении является имя *полчище* (*полчище врагов, полчища бюрократов*), которое крайне неохотно допускает сочетаемость с неодушевленными предметами, ср. **полчище бумаг / ручек / стрел*, ср. однако, *полчища вражеских танков* как множество квазиодушевленных объектов.

Другим, более слабым «барьером» на пути грамматикализации, служат абстрактные имена – его «берут» практически все квантификаторы нашего списка за исключением *батарея, галерея, оханка* и, конечно, *копна*. Когнитивно этот барьер действительно легче, потому что здесь действуют регулярные метафоры – например, вопросы, проблемы, события отождествляются с множествами предметов – отсюда *гора проблем, груда дел* и др., эмоции – с жидкостями (*море радости*) и т.д. Однако «освоение» этой территории тоже происходит постепенно и неравномерно: есть и такие квантификаторы, которые пока принимают в качестве объекта всего одно-два слова с абстрактным значением – ср. *прорва времени, вагон проблем*.

Таким образом, мы можем установить следующие этапы грамматикализации как процесса семантического перехода от предметного имени к квантификатору:

- 1) образование окказиональной метафоры;
- 2) закрепление ее в определенном узком лексическом контексте в составе конструкции – в нашем случае – генитивной (= лексикализация);
- 3) постепенное – через отождествление предметных множеств с абстрактными – включение в сочетаемость абстрактной лексики;
- 4) дальнейшее расширение употребления конструкции, с охватом имен лиц – вплоть до снятия всех сочетаемостных ограничений;
- 5) одновременно – стирание, или выветривание исходного значения (англ. термин «bleaching»);
- 6) итог, или полная грамматикализация, т. е. превращение имени в полноценный квантификатор.

Этот итог, как было показано, пока не достигнут ни одной из лексем нашего списка: каждая находится на своем этапе и по-своему ограничена в сочетаемости. Понятно, что такие ограничения практически всегда связаны с «памятью» квантификатора об исходной лексеме, претерпевшей семантический сдвиг. Но проблема связи исходного и производного значений имеет два разных аспекта.

Первый. Условно его можно назвать «диахроническим»: он ставит для исследователя во главу угла исходное значение слова и предлагает установить, какова должна быть семантика имени-источника, чтобы интересующий нас семантический сдвиг стал возможен и возник количественный квантификатор?

Второй. Условно говоря, «синхронный»: исследователь обращает внимание только на то, что остается в семантике лексемы после того, как сдвиг произошел и часть исходного значения «стерлась»; его интересует полученная в результате система квантификаторов.

Первый вопрос более традиционный, по крайней мере в отношении нашего материала, начнем с него.

3. СЕМАНТИКА КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ: 'БОЛЬШЕ' ИЗ 'ВЫШЕ'?

Задача определения исходного значения для метафоры большого количества была в явном виде поставлена в [Lakoff, Johnson 1980] и отчасти решена: в знаменитой книге утверждалось, что для обозначения большого количества используется лексика, профилирующая вертикальное измерение (ср. *высокая температура, высокие показатели*), по формуле:

'ВЫШЕ' ⇒ 'БОЛЬШЕ'.

Формула имеет следующий зрительный образ в качестве когнитивной интерпретации: если вещи класть друг на друга, то чем больше будет вертикальное измерение полученной совокупности, тем больше вещей она содержит. Считается, что это бесспорная и универсальная формула, действующая во всех языках. Действительно, наш список квантификаторов большого количества представляет для нее хороший материал из русского языка – это и *гора*, и *груда*, и *куча*, на различиях между которыми мы не будем пока подробно останавливаться, так как их семантика достаточно детально описана в [Левонтина 2004]⁸, а также знакомое нам *копна*, и в каком-то смысле, *фейерверк* и *фонтан*.

В то же время, на примере таких слов, как *россыпь, море, океан, лес* видно, что в русском языке действует и другое правило; в параллель с каноническим, его можно было бы сформулировать как

'ШИРЕ' ⇒ 'БОЛЬШЕ'

и предложить для него соответствующий зрительный образ, вполне в духе Лакова-Джонсона: когда мы раскладываем вещи на обширной горизонтальной поверхности, то чем больше поверхности оказывается занято, тем большее количество вещей на ней находится.

Замечание.

В связи с обсуждением последней группы слов (*море, океан* и в особенности *лес*), мы хотели бы указать еще на один любопытный квантификатор, который, по свидетельству этимологов, видимо, должен описываться в этой группе. Речь идет о слове *уйма*. В современном русском языке оно утратило свою связь с предметным образом и возможно только как квантификатор большого количества, причем в самом широком множестве контекстов, от предметных, включая имена лиц, до абстрактных, ср.:

(12) *Но, кроме муниципальных чиновников, есть еще уйма государевых людей – губернаторы, полномочные представители, депутаты, премьер-министры, да и сам президент* (Р. Сагдиев. Игра в цивилизацию. Про учеников государственных // Известия, 2001.06.18);

(13) *И денег у них уйма* (А. Лившиц. Откуда берется инфляция // Известия, 2002.07.18);

(14) *На это уйдет уйма времени* (Л. Никитинский. Прощай, полицейский... // Московские новости, 2002.07.04);

⁸ Обсуждение этой группы см. также в разделе 5 настоящей статьи.

(15) *Думе приходится тратить уйму усилий для того, чтобы <...>* (А. Капков. Из крестьян в люмпены // Время МН, 2004.02.05).

Именно ввиду того, что исходное значение этого слова утеряно, мы не исследуем в настоящей работе его возможности как квантификатора. Между тем, и словарь Даля, и словарь Фасмера настаивают, что *уйма* – не заимствование, а производное от глагола *уймать / уять* (ср. *поймать*) со значением ‘убавлять, отбавлять, уменьшать, отделять часть’. По мнению авторов этих словарей, изначально *уйма* имело значение ‘огромное пространство, простор’; словарь Даля отмечает, что «иногда луга зовут *уймой*», а также диалектное (костромское) *уйма, уймище* как ‘дремучий огромный лес’ (*вертит, как леший в уйме; в уйме (= в лесу) не без зверя, в людях не без лиха*). Таким образом, рассмотренный выше подкласс, связанный с метафорой на базе обширного (бесконечного) пространства, по-видимому, следовало бы еще расширить – если учитывать не только синхронный, но и диахронический материал русского языка.

Новое правило порождения значений большого количества ‘ШИРЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’ представлено нами так, что оно не противоречит классическому ‘ВЫШЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’, а только дополняет его. Однако наш материал показывает, что в русском практически так же широко эксплуатируется и «обратная» предложенной Дж. Лаковым и М. Джонсоном формула, а именно:

‘НИЖЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’,

ср. такие имена-квантификаторы, как *бездна, пропасть* или *прорва*.

Это интересный парадокс, требующий объяснения: трудность в том, что здесь не просто новая метафора (как ‘ШИРЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’), а именно метафора, полностью противоречащая основной: согласно концепции Лакова-Джонсона, уменьшение вертикального размера должно коррелировать с **уменьшением**, а не с **увеличением** количества, т.е. по всем правилам, должно быть наоборот:

‘НИЖЕ’ ⇒ ‘МЕНЬШЕ’,

ср. здесь такие русские примеры, как: *низкая температура, низкие показатели*, а также: *заниженные* (‘уменьшенные’) *цифры, принизить значение*, т.е. ‘преуменьшить’ и т.п.

Тем не менее, наш материал показывает, что **наряду** с этим правилом каким-то образом существует совершенно противоположное. При этом русский язык отличается от английского, на материале которого формулировалось классическое правило Лакова-Джонсона, обилием парадоксальных примеров: во-первых, таких квантификаторов по крайней мере три, а во-вторых, один из них, а именно, *бездна*, достаточно продуктивен и, как мы уже говорили, продвинул по шкале грамматикализации. В частности, он возможен с именами лиц:

(16) *Что у нас в России целая бездна людей тем и занимаются, что всего яростнее и с особенным надоеданием, как мухи летом, нападают на чужую неприкасаемость, обвиняя в ней всех и каждого, кроме только себя* (Ф.М. Достоевский. Бесы).

И вообще, у этого имени стерт исходный пространственный признак ‘трехмерность’: как квантификатор оно совершенно свободно (и статистически преимущественно) сочетается с названиями абстрактных сущностей и даже «не любит» предметы⁹.

По сравнению с *бездна*, имя *пропасть* в качестве квантификатора выглядит устаревшим и малопродуктивным, при этом употребляется, напротив, практически только с конкретными именами, ср., с одной стороны: *бездна* (**пропасть*), *соблазна, глупости, мыслей*, а с другой – *пропасть* (‘?’ *бездна*) *вещей, книг, лошадей, долгов* и др., при

⁹ Обратим внимание, что в примере (16) люди рассматриваются в абстрактном смысле, т.е. не как конкретное, а как воображаемое, по сути дела не существующее в реальности множество. Если же речь идет о людях в реальной, предметной ситуации, то данная конструкция недопустима: **Смотри! На улице бездна людей* – при том что более абстрактное имя совокупности (*народ*) в таком контексте вполне приемлемо (*бездна народ*).

возможном *бездна людей, народу* (*пропасть* тоже возможно в такого рода контекстах с одушевленными именами, но выглядит в них устаревшим). Ср. также следующие примеры из НКРЯ:

- (17) *Мы еще не понимали, какие открылись бездны (*пропасть) бесчеловечности, злодейства, цинизма и лицемерия* (А. Бовин. XX век как жизнь. Воспоминания);
- (18) *Кто-то им сказал, что в озере Юлемисте бездна (пропасть) рыбы* (В. Аксенов. Звездный билет).

Третье имя, *прорва*, устарело настолько, что в современном языке потеряло исходное значение и используется только как квантификатор со значением ‘большое количество без пользы утраченных или исчезнувших предметов’ – об этой его специфике, связанной с отрицательной оценкой¹⁰, свидетельствует и семантика сочетающихся с ним предикатов, ср.: *потратить / проиграть в карты / вложить <в безнадежное предприятие > прорву денег*, но не: *??накопить / ??заработать / ??собрать прорву денег*, ср.:

- (19) *А с главным, который сидит на Маяковской в «Моспроекте», я должен согласовывать все чертежи оформления, и это занимает прорву времени и нервов, так как он упряма* (Б. Левин. Инеродное тело. Автобиографическая проза).

Ср. также возможность замены других квантификаторов на *прорва* в контексте, так сказать, расформирования множества – траты денег (20) или раздачи ненужных советов (21), но не ситуации его формирования, создания – и в особенности в контексте прилагательного *цельй* (22):

- (20) *Такая куча (/ прорва) денег выходит, а удовольствия никакого нет* (А.Я. Панаева. Воспоминания);
- (21) *Море (/ прорва) ненужных советов – вот что такое наша власть* (Юз Алешковский. Рука);
- (22) *Я вижу, денег у тебя целая куча (*прорва), – говорит Виктор* (В. Аксенов. Звездный билет).

В английском исходное, «вертикальное», правило пользуется очевидным преимуществом – в стандартном случае русское *бездна неприятностей* переводится на английский как ‘куча’ – *heap of troubles*. Между тем и в английском встречаются такие сочетания, как: *abyss of hopelessness* ‘бездна отчаяния’, *mine of information* ‘рудник / шахта (полная) информации’. Ср. здесь похожие примеры из французского со словом *abîme* ‘пропасть’: *abîme de misère* ‘крайняя степень нищеты’, *abîme de science* ‘кладезь премудрости’, *abîme des temps* ‘незапамятные, далекие времена’. Любопытно и то, что за пределами квантификативной предметной лексики – в области глаголов, источники метафоры увеличения также обнаруживаются не только в зоне роста вверх, но и распространения вширь и движения вниз: про цены действительно говорят (как и положено по формуле ‘ВЫШЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’), что они выросли, но про представления или знания – что они расширились и даже углубились.

Как же объяснить все эти «парадоксальные» примеры?

Наша гипотеза состоит в том, что обычное движение вниз в антропоцентричном пространстве, в отличие от движения вверх, – предельно. Оно ограничено – обычно

¹⁰ В свою очередь, отрицательная оценка, как известно, мотивирована, семантикой движения вниз (ср. *низкие истины*); в смягченной форме она проявляется и у квантитативных сочетаний с *пропасть*, но утрачена значительно более грамматикализованным *бездна*.

поверхностью земли, расстояние до которой невелико, тогда как пространство вверх по сравнению с ним бесконечно. В ситуации ограниченного расстояния, движение вниз действительно связано с **уменьшением** количества. Что же касается «парадоксальных» на первый взгляд примеров, то они представляют тот редкий случай, когда пространство **вниз** так же бесконечно, как вверх и вширь. В этом отношении показательно, что не-бесконечные емкости, даже и природные – как *яма* или *канава* – не переходят в класс квантификаторов, ср. **яма* / **канава проблем*. При таком взгляде на материал, источником количественной метафоры выступает не вертикальное измерение как таковое, а свойство бесконечности, так что и в виде формулы общее правило должно выглядеть принципиально иначе, а именно: ‘БЕСКОНЕЧНО’ ⇒ ‘МНОГО’. Такая формула охватывает все метафоры – и «вертикальные», как *горы книг*, и «горизонтальные», как *море цветов*, и, наконец, «направленные-вниз», как *бездна пороков*.

Еще более существенным для общей теории метафоры, однако, является следующее. Принимая такую точку зрения, мы отступаем от хрестоматийного принципа, гласящего, что метафоризация всегда происходит, так сказать, «от конкретного к абстрактному», т. е. что ее источником всегда должен быть **материальный физический мир**, воспринимаемый человеком в повседневном опыте с помощью органов чувств, – ср. [Lakoff, Johnson 1980; Lakoff 1987; Langacker 1987; Fauconnier 1997] и в целом подход, который называется ‘эволюционной классификацией’, – своеобразной разновидностью которой является «экспериментальный реализм» (experiential realism) или «экспериментализм» (experientialism), сужающий источники метафор до человеческого тела и его движений ([Lakoff 1987; Lakoff, Johnson 1999] – ‘embodiment’). Авторы этого подхода считают, что только физические свойства или физические предметы (а в особенности части человеческого тела) порождают зрительные образы, на базе которых построены все так называемые образные схемы (image schemes); абстрактные же сущности не могут служить метафорическим источником.

Понятно, что эту точку зрения невозможно доказать, не описав метафорические системы всех языков мира, но ее легко поставить под сомнение, обнаружив даже в одном языке противоречащие ей примеры. Можно считать, что это произошло: ‘бесконечность’, хоть и является в каком-то отношении физическим свойством и в некотором смысле имеет зрительные корреляты, все же одновременно достаточно абстрактна: например, ее невозможно буквально изобразить на картинке, даже очень схематической. Таким образом, вполне возможно, что человеческий язык и языковое сознание устроены не так примитивно, чтобы заимствовать образы лишь из одного материального мира: в качестве исходных им, видимо, доступны и сложные абстракции (такая точка зрения поддерживается французской лингвистической школой – см. работы (П. Кадью, Д. Пайара, Ж.-Ж. Франкеля, К. Ванделуаза и др. – ср., например [Cadiot 1994; Franckel, Paillard 1997; Vandeloise 1994]).

4. ДРУГИЕ РЕГУЛЯРНЫЕ МЕХАНИЗМЫ МЕТАФОРИЗАЦИИ КОЛИЧЕСТВЕННЫХ ЗНАЧЕНИЙ

Наш материал обнаруживает еще два крупных источника метафоры большого количества. Первый, как и предыдущие, относится к статическим метафорам, т.е. таким, в которых идея большого количества возникает из постоянных свойств объектов внешнего мира, как правило, имеющих какие-то корреляты с их статичным зрительным образом; его мы рассмотрим в подразделе 4.1; второй источник связан с характером функционирования мобильных объектов, он порождает динамическую метафору, которая существенно отличается от более обычных статических (раздел 4.2).

4.1. Еще одна статическая метафора: источник – вместительность

Источником этой метафоры является конкретный класс неподвижных физических объектов, а именно, емкости большого размера. В целом данная метафора довольно

близка к «каноническому» представлению о большом количестве, особенно в тех случаях, когда она поддерживает идею вертикального измерения. Это верно для слов *воз* (ср.: *воз проблем*) и *охапка* (ср.: *охапка новостей*): и тяжело нагруженный воз, и большая охапка напоминают кучу, только, так сказать, снабженную «транспортным средством». По той же модели, что и *воз* организовано и технически более прогрессивное *вагон* (ср.: *вагон неприятностей*): если это верно, то можно предположить, что изначально в качестве источника метафоры под вагоном подразумевалась открытая (как и воз) грузовая платформа. С другой стороны, в той же группе следует рассматривать «закрытое» вместилище *арсенал* (*арсенал средств*)¹¹, еще менее каноническое *букет* (*букет болезней*) и – в ряде контекстов – *море* (*море слез*).

Гипотеза о том, что и арсенал, и букет являются кальками с французского (ср. франц. *bouquet de l'arsenale de*) кажется правдоподобной, однако для нашего исследования факт заимствования ничего не меняет: во-первых, данные квантификаторы давно и хорошо освоены в русском языке и живут собственной жизнью. Во-вторых, если они действительно калькированы, значит, это доказывает, что в тот момент во французском они уже существовали как квантификаторы с не вполне стандартным источником метафоризации – и сам по себе этот факт вызывает интерес: ведь нам важны источники выражения большого количества как таковые, без различия языков.

Поэтому, помимо канонического перехода 'ВЫШЕ' ⇒ 'БОЛЬШЕ', в качестве когнитивного основания данной метафоры можно рассматривать и переход 'ВМСТИЛИЩЕ ⇒ МЕРА'. Ср. русскую конструкцию с генитивом меры типа *стакан воды, два воза песка* и др., в которой происходит сдвиг значения контейнера: он становится своеобразным квантификатором со значением примерного стандартного количества (подробнее о семантике и употреблении этой конструкции см. специальные исследования [Borschhev, Partee 2004; Rakhilina 2003; Рахилина 2004]). Таким образом, в нашем случае речь может идти о концептуализации по модели:

'БОЛЬШОЕ ВМСТИЛИЩЕ' как 'БОЛЬШАЯ <ВЕРТИКАЛЬНАЯ> МЕРА', т.е. 'БОЛЬШОЕ КОЛИЧЕСТВО'.

С этой точки зрения интересно, что среди корейских классификаторов много лексем со значением емкости¹², ср. *thong* 'бидон'; ('чтобы брать что-либо с собой или передавать кому-либо') *kkulemi* 'сверток'; ('чтобы измерять количество') *katani* 'мешок'; особенно интересны примеры корейских собирательных классификаторов, которые существенно пересекаются с представителями данной русской группы *byeong* '<бутылка', *sapal* '<миска', *paguni* '<корзина', *lyang* '<вагон', *cha* '<воз', а также *dabal* '<букет', *ungkhum* '<горсть', *jim* '<груз', *alum* '<охапка' и др., см. [Ли Су-Хён 2005: 100].

Еще несколько слов об особенностях квантификаторов данной группы.

По данным НКРЯ, слово *воз* как мало грамматикализованный квантификатор редко сочетается с абстрактными словами, и круг таких слов невелик, ср.: *новостей воз, воз угроз, воз реформ, воз спектаклей, целый воз добра, воз проблем* и как квантификатор, скорее, уходит из русского языка, хотя пока и встречается, ср.:

(23) ...*весь этот воз проблем отныне тягоцает плечи нового вице-преьера правительства Владимира Яковлева* (С. Офитова. Яковлев получил «БМВ», кабинет и кучу проблем // Независимая газета. 2003).

Наоборот, слово *вагон* – пока попадаетея только в разговорных контекстах, ср.:

¹¹ Ср. также устаревшие *короб* (*короб новостей*) и *кладезь* (*кладезь премудрости*).

¹² По свидетельству [Aikhenvald 2000], это верно и для естественно-языковых классификаторов других языков.

(24) *За ним, еще недавно обласканным властью, вдруг обнаружился целый вагон преступлений...* (В. Шендерович. «Здесь было НТВ» и другие истории),

так что основной источник его письменных употреблений – не литературные тексты, а интернет. Устойчиво этот квантификатор выступает с абстрактным *время* и одушевленным *друзья* (*вагон времени*¹³, *вагон друзей*).

Слова *оханка* и *букет* метафоризируются в полном соответствии с теорией *embodiment* (= метафорического воплощения человеческого тела: [Lakoff, Johnson 1999]). Действительно, оба они называют собой множества, удерживаемые руками как контейнерами. При этом *оханка* тесно связано с исходным значением (множество легких предметов, прототипически веток, удерживаемых двумя руками – от плеча до кисти, ср. англ. *arm*) и крайне слабо грамматикализовано в качестве квантификатора; оно невозможно с именами лиц и редко с абстрактными именами, ср., однако:

(25) *Все выше и выше взбиралось оно на небо, суля, близкую весну и оханку надежд* (К. Д. Воробьев. Это мы, господа!..).

Слово *букет*, которое в качестве антропоцентричной емкости задействует кисть одной руки (*hand*), напротив, достаточно продуктивно как квантификатор и, хотя пока не сочетается с одушевленными именами, легко принимает абстрактные, причем с отрицательной оценкой (свойство, видимо, унаследованное при заимствовании от французского квантификатора, потому что русское *букет* как ‘пучок цветов’ имеет исключительно положительные коннотации), ср.:

(26) *<...> попали на нары следственного изолятора по обвинению в целом букете преступлений, в том числе умышленном убийстве* (С. Андреев. Преступность пошла на спад // Смена).

Арсенал менее продуктивно как квантификатор, сочетается только с абстрактной лексикой, особенно устойчиво со словом *средство*¹⁴:

(27) *Арсенал средств изложения неоригинален и беден* (М. Веллер. Ножик Сережи Довлатова).

Особого упоминания заслуживает здесь слово *море* (и близкое ему по способу употребления, но значительно менее продуктивное *океан*). Дело в том, что *море* как объект внешнего мира тоже является вместилищем и, по идее, должно попадать именно в данный класс. Действительно, в русском языке довольно много метафор с этой лексемой для обозначения большого количества; это касается прежде всего жидкостей, ср.: *море слез, крови, вина* как ‘много слез, крови или вина’, но такая метафора естественно распространяется и на эмоциональные состояния (ср.: *море удовольствия, радо-*

¹³ Еще более характерен инвертированный порядок слов, когда *вагон* выступает в предикативной позиции, ср. *До завтра времени еще было вагон* (А. Щербаков. Пах антилопы // Октябрь. № 12. 2002). Вообще говоря, в русском языке есть целый особый класс предикативных имен, способных иметь квантификативное употребление (ср. *дел у меня – смерть/беда*). Однако как показано в [Ли Су-Хён 2005], в действительности все они являются интенсификаторами, а не классификаторами большого количества. В этом отношении *вагон* им явно противопоставлен, и к тому же этот квантификатор вполне свободно может выступать и в препозиции – ср. *у нас вагон времени*, в отличие от: **у меня беда дел*. Отдельный интерес представляет возможность вариативности порядка слов (и, соответственно, синтаксической структуры) для квантификаторов нашего списка (см. об этом [Ли Су-Хён 2005]).

¹⁴ Обратим внимание, что поиск во французском Google дает 3000 примеров на соответствующее французское сочетание – по-видимому, служившим исходным для русского.

сти = ‘много удовольствия, радости’), которые, как хорошо известно [Арутюнова 1976; Успенский 1979; Апресян 1995; Lakoff, Johnson 1980/2004] и мн. др.), метафоризируются как жидкости.

Однако одновременно исходное слово *море* (*океан*) имеет значение обширной поверхности, полученное в результате метонимического сдвига ВМЕСТИЛИЩЕ ⇒ ЧАСТЬ ВМЕСТИЛИЩА (в нашем случае – его поверхность), ср. противопоставление ‘вместилище’ vs. ‘поверхность’ в парах: *плавать в море* (‘вместилище’) vs. *плыть по морю* / *паруса видны на море* (‘поверхность’). Как показано в [Рахилина 2000а: гл. II, § 1], такая таксономическая двойственность этого имени приводит к образованию от него относительного прилагательного (*морской*), которое можно отнести сразу к двум семантическим типам. Во-первых, это тип прилагательных, семантически производных от **вместилищ** со значением ‘нахождение внутри X’: сочетание *морская рыба* = ‘обитающая в море’ семантически устроено так же, как *бочковые огурцы* = ‘хранящиеся в бочке’, или *комнатные растения* = ‘растущие в комнате’. Во-вторых, это прилагательные, образованные от имен **пространства**, так что *морской ветер* интерпретируется так же, как *степной ветер* (т.е. как ‘дующий с моря / из степи’, а не как ‘находящийся внутри вместилища’, т.е. в море).

Таким образом, исходное *море* (*океан*), концептуализуясь как обширная поверхность, получает возможность для образования количественных метафор другого рода, по формуле ‘ШИРЕ’ ⇒ ‘БОЛЬШЕ’, о которых мы говорили в предыдущем разделе. Именно к этому классу относятся квантификативные сочетания с именами множеств предметов – *море цветов, подарков, людей* и др., а на следующем этапе метафоризации, и абстрактных множеств – *море вопросов, дел, звуков* и др. Заметим, что как квантификаторы *море* и *океан* встречаются в статичных, а не динамических контекстах (свойственных *поток, река, лавина* – см. след. раздел), ср.:

(28) *Внизу было море окровавленных тел* (А. Кузнецов. Бабий Яр).

Действительно, такого рода употребления с локативной связкой основаны на статичной картине моря как бесконечной поверхности, которую трудно целиком охватить взглядом. Если мы подставим *море* в контекст глагола движения, предложение окажется мало приемлемым:

(29) *...вдохновенный общим сочувствием и вниманием, близостью молодых женщин, красотой ночи, увлеченный потоком собственных ощущений^{??} морем ощущений*, он возвысился до красноречия, до поэзии (И.С. Тургенев. Рудин).

То же касается и другой метафоры *море* – ‘большое количество как заполненное вместилище большого объема’, представленной в сочетаниях с именами жидкостей; ср. естественное в статическом контексте *море крови* или *море пошлости*, но неприемлемое в динамическом:

(30) *Река (*море) крови текла между берегов, и все, что плыть могло, плыло в этой крови* (Г. Владимов. Генерал и его армия);

(31) *<...> рисуя жизнь медленным потоком (*морем) скучной пошлости <...>* (М. Горький. Жизнь Климса Самгина).

Прежде чем переходить к динамическим метафорам, обратим внимание на определенную симметрию типов, которая возникает в статической зоне между квантификаторами большого и малого количества. Как мы уже говорили, метафоризация имен с результирующим значением ‘малое количество’ в русском языке представлена довольно слабо – тем не менее, любопытно, что ее источниками оказывается не только (вполне ожидаемое) ‘малое вертикальное измерение’, ср. *кучка*, симметричное *куча*,

но и ‘малое вместилище’ – ср. *горстка*, семантически симметричное в этом отношении представителям последнего класса, таким как *воз* или *море*.

4.2. Динамическая метафора: источник – движущиеся массы

Эта группа очень представительна и при этом достаточно неожиданна по своей семантике: она включает имена с исходным значением движущихся масс: *град*, *дождь*, *шквал*, *лавина*, *поток*, *река*, *туча*, *фейерверк*, *фонтан*. Сам по себе этот класс довольно интересен: говоря о движении, обычно обращают внимание на **метонимический** семантический сдвиг, при котором процесс движения превращается в цель или результат – ср. здесь так называемый эффект goal-bias (или ориентацию движения на конечную точку), ср. [Bourdin 1997; Ikegami 1987]. Но в наших примерах движение (правда, не движение вообще, а перемещение веществ и множеств) делает свой семантический вклад в **метафорическое** значение большого количества. Группа отчетливо распадается на три: прежде всего, в нее входят широкие направленные потоки: *река(и)*, *поток(и)*, *лавина*, кроме того – движущиеся по воздуху и падающие массы: *град*, *дождь*, *ливень*, *шквал*, *туча*; особняком стоят *фонтан* и *фейерверк*, – в их семантике есть, как мы уже говорили, помимо движущейся составляющей, еще и вертикальность.

Подгруппа 1.

Представители первой подгруппы очень продуктивны в количественных контекстах и достаточно продвинуты по шкале грамматикализации – в частности, *река* и *поток* применяются не только к движущимся веществам, но и множествам (*реки людей*, *поток машин*), причем в том числе физически статичным, но подразумевающим, по выражению Р. Лангакера [Langacker 1991: 149–164], «абстрактное движение», ср. *реки* / *поток* / *лавина писем*, ср. также:

- (32) *Вместе с потоком серых шинелей, облепивших вагоны, свисавших с площадок, с крыши, с буферов и из окон, докатился и он до голубого с белым домика, снял обмотки с длинных и тощих ног, обмылся, отправился в город, на митинг* (М. Шагинян. Перемена).

Кроме того, они широко применяются к абстрактной лексике, ср.: *неуловимый поток чувств* (В. Быков. Сотников), *целая лавина неприятностей* (Ч. Абдуллаев. Символы распада). Наконец, все три квантификатора способны описывать одушевленные множества: *лавина* / *река* / *поток людей*. И в то же время, они далеко не полностью грамматикализированы – показательно, например, что *поток* сочетается не только с прилагательными-интенсификаторами (*значительный*, *крупный*, *ужасный* и под.), но и с качественными прилагательными, связанными с параметрами реального движения (*медленный*, *ленивый*, *внезапный*, *бурный* и др.):

- (33) *Сон остановил медленный и ленивый поток его мыслей и мгновенно перенес его в другую эпоху, к другим людям, в другое место, куда перенесем за ним и мы с читателем в следующей главе* (И.А. Гончаров. Обломов).

Точно так же, квантификативное *река* / *реки* часто по-прежнему сочетается с предикатами течения воды, как в: *на площадь хлынула река демонстрантов*, а *лавина* – с описывающим камнепад глаголом *обрушиться*, как в: *на меня обрушивалась лавина обвинений* – ср., однако, пример, в котором у *лавина* практически полностью теряются исходные свойства движения (в частности, направление вниз):

- (34) *Лавина осколков взметнулась во все стороны* (Е. Гуляковский. Чужие пространства).

Обычно в квантификативных контекстах *лавина*, в отличие от *река* и *поток* выступает скорее в письменной речи и (опять-таки в отличие от других квантификаторов) характеризует внезапно возникшее и растущее в наблюдаемый промежуток множество. При этом в противоположность *лавине*, *потоки* (и отчасти *реки*) кажутся более управляемыми, в частности, ввиду сохранения в них исходной идеи «русла» – ср. *поток машин направился / поток писем был перенаправлен* – ??*лавина машин направилась / *лавина писем была перенаправлена*¹⁵.

Подгруппа 2.

Идея внезапно возникающих множеств оказывается довольно хорошо разработанной в русском языке и часто ассоциируется (как и в случае с *лавина*) с падением сверху вниз, ср. здесь характерный фразеологизм *свалиться на голову*, описывающий как раз внезапность. Действительно, если рассматривать в этой подгруппе и *лавину*, в ней будет целых шесть квантификаторов: *лавина*, *град*, *дождь*, *ливень*, *шквал*, *туча*.

Самый нейтральный среди них – *дождь* – даже в «агрессивном» контексте – как *дождь нуль* – этот квантификатор обозначает всего лишь много внезапно появляющихся летящих по направлению к наблюдателю объектов, тогда как для *град нуль* акцент делается на ту составляющую прямого значения, которая предполагает причинение урона и поражающую силу (см. [Мишурова 1968: 193]). Ср. также: *посыпался дождь / град вопросов*, но: *ведущий растерялся под градом / *дождем вопросов*. Таким образом, *дождь* передает нейтральное отношение к составляющим объектам, а *град* – более или менее негативное. Это объясняет тот факт, что *град*, по сравнению с *дождь*, менее естествен в контексте положительно оцениваемых ситуаций, ср.: *посыпался дождь цветов / *град цветов* и более естествен в контексте отрицательных: **дождь / град ударов*.

Что касается квантификатора *ливень*, то оценочно он нейтрален (как *дождь*) и до некоторой степени может быть уподоблен слову *лавина*, поскольку оба они сочетаются с предметами, которые движутся с большой скоростью за достаточно короткое время. Следовательно, в паре *дождь / ливень вопросов* в обоих случаях вопросов просто много, ничего не известно о том, насколько они неприятны слушателю, однако в случае с *дождь* они задаются скорее один за другим (ср. капли дождя), а в случае с *ливень* – сразу.

Аналогичный эффект, и даже в более сильной форме, возникает с квантификатором *шквал* (ср. *шквал вопросов*), который по этой причине, судя по примерам из корпуса, практически не употребляется с глаголами несовершенного вида в актуально-длительном или процессном значении, так как полностью лишен временной протяженности. Кроме того, *шквал* «добавляет» соответствующей ситуации обязательную звуковую составляющую: *шквал* – это не только внезапно, стремительно и очень много, но и шумно, ср. характерные контексты: *шквал (*дождь / *град / *ливень) аплодисментов, шквал ударов, требований* и др., например:

(35) **Шквал** сильных ударов посыпался на отца (Ф. Искандер. Авторитет).

Ср. невозможное **шквал цветов* (при допустимом *шквал звонков* или *писем* – письма в этом случае тоже как бы звучат: они содержат требования, обращения и проч.), а также частотное: *под шквалом снарядов / огня* (имеется в виду орудийная стрельба), как в (36):

(36) Как на фронте не знаешь, не обрушится ли **шквал** снарядов, вот сейчас, через минуту, возле тебя <...> (А. И. Солженицын. Архипелаг ГУЛаг),

но не **под шквалом нуль*, которые оказываются в этой ситуации слишком тихими.

¹⁵ О дополнительных противопоставлениях внутри этой группы см. также раздел 5.

На шкале грамматикализации все эти квантификаторы занимают позицию, близкую к начальной стадии, – их сочетаемость распространилась на очень небольшой круг нестандартных предметов (как *цветы* в *дождь цветов*) и некоторые абстрактные объекты, но не преодолела барьера одушевленности: ни один из них не сочетается с именами лиц.

Несколько особняком стоит имя *туча*. В своем исходном значении это всегда конкретный предмет, причем горизонтально, а не вертикально перемещающийся, к тому же медленно (ср. такой характерный пример, как *по небу ползла туча*) – все прочие квантификаторы этой подгруппы обозначают не только физические предметы, движущиеся обязательно с высокой скоростью и сверху вниз, но и события, т.е. сопутствующие им явления природы.

Итак, *туча* – это медленно и горизонтально движущееся большое темное облако. Поэтому как квантификатор *туча* употребляется для обозначения большого количества людей – ср. *тучи людей, загромаждавшие проходы* (В. Шаламов. Артист лопаты) – на основе зрительного образа «темное большое скопление», имеющего отрицательную оценку, так как темный (черный) цвет ассоциируется с неприятностью, бедой и угрозой. Ср.: *тучи болтливых лодырей, не понимающих, что такое труд, что за ценность каждая человеческая жизнь, что за бесценное создание хлебное поле* (В. Астафьев. Прокляты и убиты), а также: *тучи красномордых карателей* (Юз Алешковский. Рука), но: **тучи благодарных поклонников / *почитателей таланта / *цветов* и под¹⁶. По-видимому, данный круг статических употреблений придется сблизить с контекстами класса «ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ» (ср. *куча, гора*).

Однако для более подробной классификации метафорических значений этого слова надо учитывать его динамическую составляющую, отсутствующую в классических вертикальных метафорах. Дело в том, что, в развитие метафоры «большого темного скопления», *туча* (часто в сочетании с абстрактными словами) употребляется для обозначения *наступающих* (или наступивших), т.е. именно *движущихся*, неприятных событий, ср.:

(37) *Слава Богу, милая Мама совсем спокойна и героически переносит горе! Только и делал, что отписывался от тучи телеграмм* (М. Кураев. Жребий № 241).

Такие употребления явным образом сближаются с подгруппой *река – поток – лавина*, хотя по типу исходного значения (единичный конкретный предмет) ей совершенно чужды.

Помимо этого, во многих случаях квантификатор *туча* употребляется с предикатами, характерными для только что рассмотренных представителей подгруппы **вертикального** движения: говорят, например, *туча стрел обрушилась*, имея в виду резкое и быстрое движение вниз, причем по направлению к говорящему / наблюдателю. В этом случае *туча* метонимически применяется к множеству мелких легких предметов – частиц, образующих огромную массу в воздушной среде – *туча снежной крупницы, туча песка, туча пара*, а также с летающими насекомыми или животными – *туча мух, туча комаров, туча пчел, туча птиц, летучих мышей*, ср. также:

(38) *Но нет уже в них того азарта и самоуверенности, и все реже и реже сбрасывают они на наши головы тучи листовок с призывами сдать и бросить надежды на идущего с севера Жукова* (В. Некрасов. В окопах Сталинграда).

¹⁶ Тот же зрительный образ прослеживается в неколичественных метафорических устойчивых оборотах, ср. отрицательную оценку в *Тучи уже сгустились над головой, вокруг одного за другим забирали друзей и сослуживцев* (Н.Я. Мандельштам. Воспоминания); *Однажды дед вернулся со службы много позднее обычного и был мрачнее тучи* (Н.Н. Моисеев. Как далеко до завтрашнего дня).

Эта масса подобна множеству капель, составляющих тучу как природный объект и **обрушивающихся** вниз в виде дождя, ливня, града или снега. Тем самым, квантификатор *туча* может рассматриваться и как представляющий вертикальное движение вниз¹⁷.

Следовательно, *туча* (которая в этом смысле напоминает квантификатор *море* – см. выше) представляет собой пример совмещения в одной лексеме нескольких – а именно, трех – типов метафор большого количества: статической (*туча народу*), горизонтальной динамической (*туча писем*) и вертикальной динамической (*туча стрел обрушилась*), так что полностью этот квантификатор не вписывается ни в одну из рассмотренных групп. Заметим, что это достаточно продуктивное количественное слово с довольно широкой сочетаемостью, хотя, как мы видели, все еще сохраняющее некоторые связи с исходным значением.

Подгруппа 3.

По своей исходной семантике *фонтан* и *фейерверк* можно считать квазиантонимами к падающим массам, о которых мы только что говорили: и в том, и в другом случае массы, соответственно, воды и огня поднимаются вверх из некоторой точки и рассыпаются вокруг. Обратим внимание, что стандартное вещество при этих именах не указывается, а однозначно реконструируется по умолчанию, но, как это обычно бывает с инкорпорированными объектами, в контексте уточняющих определений соответствующая генитивная конструкция возможна: *фонтан ледяной воды*, а также *фейерверк разноцветных огней*. На зрительном образе взлетающих масс основывается первичная стадия расширения сочетаемости, а именно, контексты с веществами нестандартного типа, ср. *фонтан земли, нефти, брызг* или:

(39) *В лицо, в грудь, в живот ударила горячая и твердая, как бревно, взрывная волна, изжелта-красный фонтан огня взлетел над маленьким «виллисом» <...>* (Г. Владимов. Генерал и его армия).

Лексема *фейерверк* минует эту стадию, так как, ввиду слабой материализованности исходного *огонь / огни*, она вообще не сочетается с названиями физических материальных объектов (^{??}*фейерверк брызг*, **нефти*, **цветов* и др.).

При дальнейшем сдвиге значения в квантификативную зону пространственный образ, предполагающий характерную форму, напрямую не отражается (хотя можно говорить об имплицитном присутствии вертикального измерения по типу «ВЫШЕ => БОЛЬШЕ»). Это говорит о некоторой степени грамматикализованности данных лексем, пусть и не очень высокой – в частности, они не применимы к живым существам. Основная сфера их квантитативных употреблений – абстрактная лексика, хотя для слова *фонтан* идея большого количества возможна уже и с нестандартными веществами, ср. прежде всего *фонтан крови*, напоминающее квантификативное *море крови*. При этом статическое *море крови* обозначает большое, с точки зрения говорящего, количество крови, образовавшееся в результате некоторого уже произошедшего результативного события, например, убийства. Динамическое *фонтан крови* обозначает большое количество крови, с большой скоростью брызжущей вверх из некоторой точки и таким образом, всегда (в отличие от неспецифицированного по этому признаку *море крови*) принадлежащей одному человеку. Ср.:

(40) *<...> в груди Карлехара словно плотину прорвало, и фонтан (^{??}море) алой крови выплеснулся наружу* (А. Соболев, В. Шпаков. Мир наизнанку);

¹⁷ Идея усматривать тут метонимический перенос была предложена нам А.А. Гиппиусом на нашем докладе в Институте русского языка им. В.В. Виноградова.

(41) <...> *знаете ли, сколько выбыло у нас из строя под Бородином? – Было море (*фонтан) крови, одно скажу! – вспоминая картины Бородина, со вздохом ответил Базиль* (Г.П. Данилевский. Сожженная Москва)¹⁸.

Из абстрактных имен чаще всего *фонтан* употребляется со словом *красноречие*, как если бы речь стремительно «извергалась» изо рта говорящего на слушающих во все стороны, но также с именами *ругань*, *юмор*, *воспоминания*, *любовь*, тоже описывающими воздействие на окружающих, ср. еще *фонтан остроумия* (С. Гайдук), *фонтан родительской любви* (Б. Акунин), *фонтан идей и открытий* (Г. Адамов) и др.

У *фейерверка* немножко иной исходный концепт, чем у *фонтана*: это не непрерывный поток жидкости вверх, а отдельные вспышки, огни, рассыпающиеся в стороны. Поэтому хотя в целом как квантификаторы они очень похожи – например, оба предпочитают абстрактные имена – есть и различия. Во-первых, *фейерверк* не допускает сочетаний с веществами, в том числе жидкостями (**фейерверк металла*, **фейерверк крови*), во-вторых, для этой лексемы важно разнообразие «считаемых» объектов, безразличное для *фонтана* – в квантификативной конструкции *фейерверк*, как и *букет* (см. 4.1) означает ‘много **разнообразных** объектов / явлений / действий’. Ср.:

(42) *В целом же, как утверждает переводчик, текст являет собой «фейерверк каламбуров, ребусов, загадок, аллитераций и аллюзий, милых или рискованных шуток, часть которых неизбежно гибнет при переводе»* (Дж. Барт. Химера. Заблудившись в комнате смеха);

(42') *Но в балете, среди **фейерверка** иных движений, она не так поразительна* (А.С. Грин. Блистающий мир).

Но в отличие от квантификатора *букет*, *фейерверк* окрашен положительно, так что недопустимо ни **фейерверк* (в отличие от *букет*) *преступлений*, ни **фейерверк* (*букет*) *болезней*, ни **фейерверк* (*букет*) *неприятностей*.

* * *

На этом мы закончим обсуждение первого, «диахронического», вопроса о природе наших метафор (см. раздел 2). Из разделов 3 и 4 мы получили представление о том, какова должна быть семантика имени, чтобы из него хотя бы теоретически мог возникнуть количественный квантификатор. Оказывается, по крайней мере в русском языке, это имя должно:

- либо содержать в себе идею бесконечности («вширь», как *море*, *лес*, *россыпь*, «вниз» – как *бездна*, *пропасть*, *прорва* или «вверх» – как названия природных вертикальных объектов – *гора*, *куча* и под.);
- либо обозначать вместилище (как *воз*, *вагон*);

¹⁸ Оценивая степень грамматикализованности слова *фонтан* по сравнению с довольно продвинутым в этом отношении словом *море*, заметим, что в корпусе не обнаружено ни одного примера его сочетания со словами *слезы* и *пот* – жидкостями малого количества, между тем как с более грамматикализованным *море* эти лексемы сочетаются, образуя устойчивые гиперболы. Ср. реализацию той же гиперболы (типологически релевантной, как показано в [Рахилина 2007]) в сочетаниях *плавать в поту* / *слезах* (метафоры большого количества). Единственным исключением оказалось название фонтана (ср. пример НКРЯ: *Знаменитый «Фонтан слез» в Бахчисарайском дворце тоже не походил на фонтан*), но оно, конечно, представляет не квантификативную, а обычную именную генитивную конструкцию.

- либо называть динамические (движущиеся потоком, падающие или вздымающиеся вверх) массы (как *река, лавина* или *фонтан*)¹⁹.

Второй вопрос был совсем другого свойства – «синхронный»: что «остается» в семантике квазиграмматикализованных лексем после того, как сдвиг произошел и часть исходного значения «стерлась»? Другими словами – какие параметры качественной множественности релевантны для данного языка? Об этом – в следующем разделе, но тоже на базе материала двух предшествующих.

5. ЗНАЧЕНИЯ ЛЕКСИЧЕСКОЙ МНОЖЕСТВЕННОСТИ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

Итак: какие параметры качественной множественности оказались релевантны для русского языка?

Мы видели, что в русской картине мира выделяются некоторые особые, значимые для языка множества объектов, которые обладают специальными свойствами. Конечно, диахронически эти свойства объясняются исходной семантикой лексем, которые их называют, но ведь значение этих лексем изменилось и часть его «выветрилась» – значит, то что осталось, действительно важно для говорящих. Так какие же в русском выделяются «важные» множества и чем они отличаются качественно?

(1) Дейктичность.

Прежде, чем перейти к обсуждению их перечня, обратим внимание на важное общее свойство этой семантической зоны: лексическая множественность часто, в отличие от множественности грамматической, имеет **дейктическую** природу. Это значит, что в подавляющем большинстве множества с «качественными» (а не количественными) параметрами отражают местонахождение в пространстве говорящего (или наблюдателя) и для них – чем менее они грамматикализованы, тем в большей степени – значимы дейктические противопоставления.

Действительно, множества, которые концептуализуются как «вертикальные» по принципу «ВЫШЕ ⇒ БОЛЬШЕ» (*гора, куча* и др.), как и другие вертикально ориентированные объекты²⁰, представлены так, что наблюдатель стоит в их нижней точке (у подножия) и смотрит снизу вверх. Понятно, что в случае с *бездна* и *пропасть* (разновидность «бесконечной» метафоры: «НИЖЕ ⇒ БОЛЬШЕ») наблюдатель смотрит, наоборот, сверху вниз. Но дейктическая составляющая существенна и для варианта «ШИРЕ ⇒ БОЛЬШЕ» (*море, лес, океан*): соответствующие конструкции тоже определяют точку наблюдения, откуда можно видеть подобное большое количество, распределенное в горизонтальном пространстве. Наблюдатель здесь находится у края заполненного «считаемыми» объектами пространства, но немного выше его, чтобы глаза могли охватить множество – как оратор перед толпой на трибуне (ср. *море людей* или *море флагов*). Специального возвышения не нужно, если это *море цветов* – например, на лугу, потому что цветы и так ниже человеческого роста, то же для *лес рук* (сидящих за партами учеников – внизу перед учителем). Любопытно, что поскольку этот подкласс метафоры «БЕСКОНЕЧНО ⇒ МНОГО» наименее грамматикализован, даже для самого частотного квантификатора *море* возможны чисто дейктические запре-

¹⁹ На самом деле есть еще одна возможность, которая реализована в малопродуктивной группе «последовательностей»: *галерея (образов), караван (историй); батарея (бутылок)*. Источниками метафоры для них служат сложные физические объекты: множества, которые упорядочены как последовательности – ср. портретную галерею, в которой портреты развешены по очереди, караван верблюдов, в котором животные располагаются друг за другом или ряд пушек. Все эти квантификаторы имеют очень узкую сочетаемость и тем самым, фактически лексикализованы – например, круг переносных употреблений *батарея* ограничен устойчивым сочетанием *батарея бутылок*. Поэтому как действующие показатели лексической множественности они пока не представляют интереса.

²⁰ Подробнее о дейктической составляющей в семантике вертикальных объектов (проявляющейся при определении их размера) см. [Рахилина 2000а].

ты на употребление. Так, следующий пример рисует множество как раз в той перспективе, которую мы только что описали – и вполне приемлем:

- (43) *На стол подавался традиционный набор блюд. Всегда было сациви и **море пирожков** – маленьких-маленьких, с капустой, с мясом* (Е. Михалков-Кончаловский. Гуталин и пылесос как средства борьбы со стрессом // Здоровье, 1997.12.15).

Здесь речь идет о множестве пирожков, которые говорящий видит на столе, но если бы эти пирожки были уже съедены, возможность квантификатора *море* стала бы сомнительна, ср.: ...**съели море пирожков* – при допустимом: *съели кучу* (или – стилистически более маркировано – *прорву*) *пирожков*.

Понятно, что дейктическая составляющая особенно важна для тех множеств, которые представляются движущимися: в большинстве своем они движутся **к** наблюдателю. В частности, так устроены все «падающие» множества *град*, *дождь*, *туча*, *лавина*, *шквал*, ср. *на нас посыпался град вопросов* – ??*мы ответили на них градом встречных предложений*. Учитывая принцип важности конечной точки (*goal-bias* – ср. 4.2), по-видимому, такая ситуация, когда говорящий стоит в конце пути, и, следовательно, движение осуществляется по направлению к нему, и в языке в целом является самым частотным. Поэтому среди горизонтально движущихся множеств таких большинство, ср. *поток*, *туча*. Это известный тип «*come*»-движения, противопоставленный типу «*go*» (от наблюдателя) – см. подробнее [Fillmore 1983; 2000], ср. также [Апресян 1986/1995]. По-видимому, тип «*go*» никак не представлен в квантификаторах: можно было бы ожидать, что его реализуют *фонтан* и *фейерверк* – но, как выясняется, они так моделируют ситуацию множества-потока (направленного вверх или в стороны), что этот поток направлен на говорящего, а не исходит от него, ср.:

- (44) *Фандорин терпеливо кутался в красный плащ, ждал, пока ослабнет **фонтан** родительской любви* (Б. Акунин. Внеклассное чтение);
(45) – *Опять из тебя забил **фонтан** идей и открытий, кацо, – послышался в дверях голос зоолога* (Г. Адамов. Тайна двух океанов);
(46) *Антон проводил их долгим взглядом, и вдруг **фонтан** ярких воспоминаний заставил его зажмуриться, качнуться, оперевшись лбом о кулак* (В. Сорокин. Норма).

Действительно, Фандорин почувствовал на себе родительскую любовь, а не распространял свою, зоолог услышал, т.е. воспринял от кого-то другие новые идеи, Антон испытал возникшие откуда-то воспоминания (а не заставил кого-то их испытать) и под. Ср. также неестественность в первом лице: ??*я почувствовал, как из меня забил фонтан идей*... Таким образом, эти квантификаторы тоже дейктичны, но, как и в случае «падающих» множеств, представляют тип «*come*», а не «*go*».

Зато среди квантификаторов есть не отмеченная у Филлмора ориентация **мимо** говорящего – и вот именно она в нашем случае противопоставлена типу «*come*». Такая ориентация свойственна квантификатору *река* / *реки* (и может быть, редкому *караван* – см. сноску 19). Получается, что *река* / *реки* отличается от близкого ему *поток* / *потоки* именно значением дейктического признака: *поток(и)* – это множество объектов, направленное **к** наблюдателю, а *река* / *реки* – **мимо** него. Поэтому с адресованными кому-то объектами мы употребляем квантификатор *поток*, а не *река* / *реки*, ср.: *поток(и) / *река (реки) писем, телефонных звонков, поздравлений, обращений в Думу, посетителей, пациентов, денег* (ср. также устойчивый термин *денежные потоки*, но не **денежные реки*). С другой стороны, «безадресное» *реки трудового энтузиазма* не допускает замены на *потоки*. Кроме того, квантификатор *поток* / *потоки* неприемлем в контексте глаголов с невыраженной семантикой направленного на конечную

точку движения, а *река / реки* в таких контекстах вполне допустимо: *река / *поток виднелась, тянулась*, ср. также следующие примеры:

- (47) *Широкая, метров двести, река (*поток) цветов и травы пересекала лес* (В. Солоухин. Владимирские проселки);
(48) *Если плод ее выживет, и рост ее потомства пойдет естественным порядком, только представьте себе, какая ужасная река (*поток) страдания вытечет из ее тела* (М. Арцыбашев. У последней черты).

И наоборот, в сочетании с глаголом *идти*, который, как известно, в русском языке по умолчанию обозначает движение к конечному пункту, а не от него (подробнее см. [Рахилина 2000а; 2000б]), используется квантификатор *поток*, а не *река*: *поток / *река машин идет*.

Таким образом, вся та лексическая множественность, которая, в значении большого количества, производна либо от названий крупных пространственных объектов, либо от названий движущихся масс большого объема, при неполной грамматикализации дейктична, т.е. сохраняет в своей семантике идею говорящего / наблюдателя и его места в пространстве рядом с этим множеством. Вместе с тем, статические квантификаторы, связанные с идеей вместилища (*охапка, воз, вагон, букет* и под.), не дейктичны, точно так же статичны и не дейктичны квантификаторы малого количества – *капля, крошка, горстка* и др.

(2) Оценочность.

В свое время дейктический компонент было принято относить к прагматике, а не семантике, сейчас это различие не важно, в особенности для нашей задачи: важно, что данное противопоставление, во-первых, действительно формирует концепт особого типа множества, значимого для говорящих, а во-вторых, влияет на правила употребления (сочетаемость) данного квантификатора.

Ту же роль играет и оценка: есть **положительно** окрашенные и **отрицательно** окрашенные множества, это противопоставление лексически маркировано. Например, квантификатор *фейерверк*, как мы видели, хотя и имеет очень узкую сочетаемость, предполагает только положительную оценку, а квантификатор *букет* – только отрицательную: *букет недугов, инфекций, неприятностей*, но не: **букет радостей, надежд, ожиданий*. Даже если сочетаются с *букет* имена сами по себе нейтральные, как в примере (49), в конструкции с *букет* у них возникает негативный оттенок:

- (49) *Уж больно он крут, неуживчив, властолюбив, зато такой замечательный для политика букет качеств – лицемерие, цинизм, вероломство* (Г. Трошев. Моя война).

Отрицательная оценка в семантике показателей лексической множественности распространена: она свойственна и имени *град* (в противоположность *дождь* – см. выше раздел 4.2, подгруппа 2), и имени *груда* (*груда мусора, обломков, объедков...*)²¹, которое способно «превратить» в негативно окрашенные самые ценные вещи, ср. *груды золота и бриллиантов, груда дорогих туфель*, ср. также мало приемлемое *??груда дорогих моему сердцу фотографий*. Кроме того, отрицательную оценку имеет, как мы помним, и квантификатор *туча*, ср. здесь такие пары, как: *туча народу – *туча близких друзей, туча дел – *туча надежд*.

(3) Разнородность.

Другое важное свойство квантификатора *туча* – что он описывает не дискретное и поэтому гомогенное множество (народу, проблем, дел – и проч.). Это интересно, потому что в русском языке маркируются еще и **разнородные** множества, причем несколь-

²¹ О природе отрицательной оценки в семантике *груда* см. ниже.

кими лексемами: *букет*, *фейерверк*, *арсенал*, так что *букет* – это множество разнородно «плохих» объектов, а *фейерверк* – разнородно «хороших», ср. *фейерверк шуток* ≈ ‘множество шуток разных типов’ / **букет шуток*. Например, очевидно, что в (50) предполагается не вообще множество преступлений (которые, заметим, являются отрицательными событиями), а именно множество разнородных преступлений, среди которых – убийство:

(50) <...> *попали на нары следственного изолятора по обвинению в целом букете преступлений, в том числе умышленном убийстве* (С. Андреев. Преступность пошла на спад // Смена).

Понятно, что *букет* и *фейерверк* не взаимозаменяемы по причине разной оценки, но и нейтральное *арсенал* не может конкурировать ни с одним из них, хотя тоже описывает разнородное множество: *арсенал средств* – это негомогенное множество, образованное разными типами средств. Дело в том, что *букет* предполагает разнообразие объектов, представленное актуально, в данный момент, что же касается *арсенала*, то это особый тип множества – множество-запас, то есть множество заранее собранных для какой-то цели объектов, причем разнородных, ср. (51):

(51) *Такой букет (*арсенал) выражений одновременно на одном лице мне видеть не приходилось* (А. Лазарчук. Все, способные держать оружие...).

Квантификатор *арсенал* можно было бы употребить, если бы разнообразные выражения на лице оказались специально подготовленными для какой-либо цели, допустим, актер выступал бы на сцене и продемонстрировал бы полный арсенал выражений лица, которые он использует. Но тогда *арсенал выражений лица* демонстрировался бы последовательно и контролируемо – по воле актера. Здесь же все эти условия нарушены, есть только идея разнообразия и отрицательной оценки, свойственные квантификатору *букет*, так что *букет выражений* может быть на лице и одновременно, и бессознательно. Таким образом, с некоторой долей условности можно было бы говорить о дополнительном свойстве – **презумптивности** множества, реализуемом в русском языке только одной квантификативной лексемой – *арсенал*.

(4) Ненужность.

И положительная/отрицательная оценка, и разнородность, и даже презумптивность – это свойства множеств в целом, но так, сказать, «прозрачные», т. е. легко переносящиеся на объекты, их составляющие. «Прозрачным» можно считать и свойство **ненужности** множества – и, соответственно, его элементов. В русском языке оно маркировано двумя квантификаторами: *груда* и *прорва*. *Груда* имеет статичную «материальную» семантику – как *куча* и *гора*. Однако в отличие от них, называет ненужные, неиспользуемые объекты, существующие в большом количестве (отсюда и отрицательная оценка, свойственная этому квантификатору!), ср. запрет на употребление *груда* в примере (52):

(52) *Гора (*груда) серо-зеленого металла, авианосец «Киев», в это время медленно и бесшумно проходила мимо мыса Херсонес в гавань Севастополя* (В. Аксенов. Остров Крым).

Сочетание *груда серо-зеленого металла* применительно к кораблю (*авианосец «Киев»*) могло бы быть использовано только в контексте, предполагающем полную бесполезность этого авианосца, его нерабочее состояние, в котором он не может, конечно, входить в гавань.

Что касается имени *прорва*, то оно динамично в том смысле, что результативно и обозначает множество зря потраченных объектов – обычно уже отсутствующих в материальном мире. Разная природа (статическая и динамическая) препятствует взаимо-

замене *груда* и *прорва* в следующих квантификативных контекстах, ср., с одной стороны, (53–54), а с другой – (55):

- (53) *В него нужно погрузиться, как если бы вы погрузили лицо в **груду** (***прорву**) мокрых от дождя листьев* (К. Паустовский. Золотая роза);
- (54) *Полковник достал из-под **груды** (***прорвы**) газет стопку папиросной бумаги* (А. Дмитриев. Воскобоев и Елизавета);
- (55) *Поди, на эту самую корейскую войну идет такая **прорва** (*груда) народных денег, что это непостижимо человеческому уму!* (В. Пьецух. Рассказы).

(5) «Непрозрачные свойства» элементов множеств: **вертикальность** и **вес объектов**.

Но бывают и другие, «непрозрачные» свойства, касающиеся только объектов, но не объемлющих их множеств или только множеств, но не составляющих их объектов. Примеры первого, релевантные для русского языка, это **вертикальность** предметов, собранных вместе. Множество такого рода в русском языке описывает квантификатор *лес* из группы «ШИРЕ» ⇒ «БОЛЬШЕ». Так же как и в случае *море людей* или *россыпи драгоценностей*, *лес* называет совокупность (неодушевленных) объектов, покрывающую собой большую плоскость, – но обязательно вертикальных, выше человека (ср. *лес флагов, лес рук, мачт* – **лес крови, денег* и др., а также: **лес людей, цветов*).

Другое важное свойство объектов – их вес. Лексически отмечена в русском языке особая **легкость** элементов, составляющих множества, и, наоборот, их **тяжеловесность**. Первое кодируется квантификатором *ворох*, с которым сочетаются имена, обозначающие легкие и тонкие или маленькие предметы, такие, как *лист, перо, бумага, газета, документ* и др. (ср. [Левонтина 2004: 503; Ли Су-Хён 2005]). Признак легкости этот квантификатор сохраняет при расширении своего значения на область абстрактных объектов – допускаются только те, которые воспринимаются как «летающие в воздухе», ср. прежде всего наиболее частотные *ворох новостей, информации*, но также *ворох воспоминаний, впечатлений, загадок, проблем, советов*.

Квантификатор *груда*, наоборот, кодирует тяжелые предметы – *груда металла, груда книг, мебели, кирпича* и проч.; ср. [Левонтина 2004: 502]: «В современном языке слово *груда* наиболее свободно употребляется, когда речь идет о достаточно однородных предметах, средних размеров, более или менее компактных и скорее сплюснутых, достаточно тяжелых, чтобы своим весом поддерживать неподвижность возвышения. Иные форма, вес, размер и т.п. затрудняют использование этого слова; ср. неправильное **груда воздушных шариков*».

Понятно, что легкие по весу предметы с точки зрения говорящего могут представляться тяжелыми. Так, только что упомянутые в связи с квантификатором *ворох* перья или листья в нормальной ситуации легкие, но в намокшем состоянии они могут стать и тяжелыми, ср. <...> *как если бы вы погрузили лицо в **груду** мокрых от дождя листьев* <...> (К. Паустовский. Золотая роза). Ср. также очень типичную корреляцию физической тяжести и образа трудной работы – в контексте большого количества бумаг, которые нужно прочесть и изучить:

- (56) *Вот только я одного не могу понять, зачем меня заставляют читать такую **груду** бумаг?* (О. Кабанова. Рената Литвинова: «Это очень тяжелый труд – рассказывать истории» // Известия. 2001. 22 августа).

(6) «Непрозрачные свойства» множеств: **упорядоченность – неупорядоченность – последовательность – внезапность возникновения – повторяемость ситуации**.

Пример непрозрачного свойства второго типа – касающегося именно устройства множества, а не его элементов – свойство **упорядоченности / неупорядоченности** множества, тоже важное в системе русских квантификаторов. Неупорядоченные множества описываются квантификаторами *копна, ворох, куча, груда* и в гораздо меньшей

степени – *гора*. Роль, которую играет этот семантический признак в их значении – различна. Например, для слабо грамматикализованного *гора* сохраняется идея конусообразной формы (*гора мусора*) – ср. также [Левонтина 2004: 501–502], у более грамматикализованного *куча* этот признак может вовсе исчезнуть, ср. *куча* (**гора*) *народу*; для *груда* идея вертикальной формы в целом сохраняется, но так как идея беспорядочности совмещается с ненужностью, сама форма «портится». Так, *гора тарелок*, скорее всего, должна интерпретироваться как много тарелок, поставленных одна на другую, стопкой, а *груда тарелок* – большое количество грязных тарелок или осколков от тарелок.

Что касается *копна* и *ворох*, то, близкие по исходному значению, они в этом отношении ведут себя похоже – с той лишь разницей, что *копна* строго лексикализовано и сочетается с одним-единственным именем *волосы* (см. раздел 2); и *копна волос*, и *ворох бумаг* передают идею неупорядоченности, хаоса, однако для них важна направленность от центра в разные стороны (ср. исходное *ворошить*), в противовес конической форме возвышения у *гора* [Левонтина 2004: 503]. В контекстах с абстрактными именами – типа *новости* или *воспоминания* – конкретный зрительный образ практически стирается, однако некоторый «след» идеи беспорядочности как одновременности разнородной информации, конечно, остается.

Наоборот, квантификаторы *галерея*, *караван*, *батарея*, о которых мы упоминали в сноске 19, упорядочивают множества поэлементно и представляли бы хороший класс-антипод, если бы не были так малопродуктивны. К той же группе примыкает и динамический квантификатор *дождь* – как показано в 4.2, в некоторых своих контекстах он демонстрирует большую упорядоченность, чем его квазисинонимы *ливень* и *шквал*, предполагая скорее **последовательность** событий, чем их одновременность – ср. *дождь вопросов* vs. *ливень / шквал вопросов*.

Тем самым, если в статических квантификаторах неупорядоченность коррелирует с так сказать, пространственной одновременностью, т.е. сосредоточенностью элементов множества на одном и том же малом пространстве (отсюда более-менее коническая форма как в *гора*, *куча* и *груда* или концентрация вокруг центра в *ворох*), в динамических квантификаторах неупорядоченность трансформируется во временную одновременность. Интересно, что и статическая, и динамическая ситуации противопоставлены при этом одному и тому же: последовательности предметов или событий, которая воплощает порядок и совмещает пространство и время.

К дополнительным свойствам динамического неупорядоченного множества можно отнести резкость, неожиданность, **внезапность** его **возникновения** – как *шквал*, в отличие от *дождя* или *ливня*, ср. *шквал огня* или *шквал аплодисментов*, а также *шквал* – в противоположность *дождь / ливень вопросов*. Другое яркое свойство – стремительный рост множества в процессе его функционирования – как *лавина*, в отличие, например, от *потока* – ср., например:

(57) *И тогда на меня обрушивалась лавина* ([?]*поток*) *обвинений, под тяжестью и неопровержимостью которых я должен был бы тотчас провалиться сквозь землю* (Б. Левин. Иностранное тело. Автобиографическая проза).

И еще одно свойство множеств, кодируемое лексически: поверхностно оно выражается противопоставлением единственного – множественного числа квантификатора (*моря* – *море*, *поток* – *потоки* и др.). Как нам кажется, число в таких случаях служит не новым квантификатором, так сказать, того же уровня, а маркирует **повторяемость** самой ситуации множественности; эта гипотеза естественна с точки зрения семантики категории числа и поддерживается примерами, где именное число явно коррелирует с итеративностью / неитеративностью глагола:

(58) *Я только не знаю, по пути ли нам? Вы моря*_{мн.ч} *крови пролить* (/ *пролить*) *хотите, а я, Михаил Александрович, не люблю кровь* (М. Алданов. Истоки).

(59) *Я только не знаю, по пути ли нам? Вы море_{ед.ч} крови пролить (*проливать) хотите...*

6. ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Итак, в русском языке сформировалась **категория лексической множественности**, которая описывает **качественные** параметры множеств. Выражают ее количественные слова – квантификаторы; все они образованы с помощью семантического сдвига одного и того же типа: вершинное предметное имя в контексте именной генитивной конструкции теряет часть своих исходных свойств и приобретает количественное значение. Разные квантификаторы грамматикализованы в разной степени, т.е. продолжают двигаться или остановились на разных ступенях этого процесса, так сказать, «смены своего имиджа» (см. раздел 2). Сильнее всех грамматикализовано имя *куча*, в самой слабой форме – имя *копна*. Важным критерием при определении «продвинутых» в этом отношении классификаторов может служить сочетаемость с одушевленными именами, несвойственная именам этой группы в исходном значении – ему удивляются *бездна*, *лавина*, *море*, *поток*, *река*, *туча*. Семантическими источниками для квантификаторов в русском языке служат следующие группы имен (разделы 3–4):

- вертикальные природные объекты (как *гора*);
- бесконечные поверхности (как *море*);
- «бесконечные» емкости (как *бездна*);
- контейнеры (как *воз*);
- последовательности (как *батарея*),

а также движущиеся массы –

- в горизонтальной плоскости (как *река*);
- вертикально вверх (как *фонтан*);
- падающие (как *дождь*).

Представители этих таксономических классов способны, претерпев семантический сдвиг, обозначать множество с некоторым набором свойств. Основываясь на материале раздела 5, релевантными для формирования таких «качественных» множеств для русского языка оказываются следующие характеризующие их параметры:

- местоположение говорящего / наблюдателя;
- положительная / отрицательная оценка;
- гомогенность / разнородность;
- идея презумптивного множества, или множества-запаса;
- ненужность (актуальная или результативная);
- упорядоченность / неупорядоченность элементов – одновременность событий;
- вертикальность составляющих множество объектов;
- физический вес объектов множества;
- внезапность возникновения множества;
- количественный рост элементов множества в процессе функционирования;
- единичная / повторяющаяся ситуация множественности.

Именно эти параметры, как мы показали, противопоставляют лексические квантификаторы, каждый из которых, тем самым, содержит в своей семантике классифицирующий компонент, «выбирая» для себя множество с определенными параметрами.

В этом смысле рассмотренные нами квантификаторы сближаются с **классификаторами**. Классификаторы – это особые вспомогательные элементы в ряде языков мира; обычно они сопровождают счет – и обязательны в соответствующих конструкциях – и одновременно классифицируют лексику. Эти слова можно уподобить русским *штука* или *пара*, ср.: *восемь штук лиц* или *две пары брюк*; ср. также *восемь душ детей*. Особенно характерны классификаторы для языков Юго-Восточной Азии и Дальнего Востока – китайского, японского, вьетнамского, тайского и др., а в индоевропейских языках они практически отсутствуют (подробнее см. [Corbett 1991; Aikhenvald 2000] и др.). Вопрос о семантической общности источников для классификаторов и лексиче-

ских квантификаторов требует отдельного особого исследования – и у него, видимо, есть перспективы, поскольку, как мы наблюдали на примере корейского и русского языков (см. замечание в разделе 4.1), идея контейнера эксплуатируется и в зоне квантификаторов, и в зоне лексических квантификаторов. Однако в основу такого исследования должны быть положены работы по сопоставительной семантике количественных квантификаторов, а их пока нет: нельзя сказать, богата или, наоборот, бедна представленная в данной работе русская система по отношению к другим языкам мира, а главное – насколько универсальны те классы семантических источников, или, как их еще называют, доноров, которыми пользуется русский язык при грамматикализации. В частности, пока не изучен и класс количественных квантификаторов в языках с классификаторами. На эту тему мы предприняли небольшое предварительное исследование соответствующего корейского материала, результаты которого сообщим здесь кратко – как фон к изложенным фактам русского языка.

Согласно нашим данным, в русском языке семантическая зона квантификаторов разработана гораздо подробнее, чем в корейском: в русском, как мы видели, донорами могут служить десятки слов, в корейском же их единицы, причем грамматикализованы они в более слабой степени.

Если брать зону большого количества, то и в том, и в другом языке в соответствующем списке фигурируют слова со значением ‘куча’ (*temi: chayk-temi* ‘куча книга’, *pic-temi* ‘куча долгов’) и ‘море’ (*pata: sulphum-uy pata* ‘море горя’), но корейское ‘куча’ в основном используется для «счета» денег, кроме того (в отличие от русского) *temi* способно сочетаться, правда, в ярко метафорических контекстах, с названиями огня и даже воды. Корейский квантификатор ‘море’ довольно близок к русскому, если судить по его сочетаемости: как и в русском, он применим к огню, цветам, любви, информации, фантазии, но, в отличие от русского, также и к шуму, темноте, истине. Число квантификаторов со значением малого количества в корейском и русском вполне сопоставимо и заведомо не превышает десятка, однако здесь никаких семантических пересечений нет. Если в русском наиболее продуктивны *горсть / горстка, капля / капелька, крошка, кучка*, то в корейском – квантификаторы со значением ‘гной глаза’ (*nwunkkop*), ‘ноготь’ (*sonthop*), ‘хвост мыши’ (*cwikkoli*), ‘пыль’ (*thikkul*).

Вместе с тем, и в том, и в другом языке квантификаторов малого количества высока роль отрицательных контекстов, ср. русск. *ни капли, ни крошки* или «квазиотрицательное» *хоть горстку, лишь капельку* и под., тогда как для квантификаторов большого количества они неестественны, ср. **ни бездны проблем* или *??одну только лавину людей* (см. замечание в разделе 1). В этом отношении любопытно, что корейское *thikkul* ‘пыль’ в отрицательных контекстах выступает в значении малого количества, а в положительных – в значении большого количества (которое, правда, используется в текстах определенной тематики, в частности, религиозной) – значение малого количества возникает за счет мельчайшего размера частиц пыли, а значение большого количества – из идеи бесчисленного множества таких частиц, ср. (60–61):

(60) *na-eykey-nun thikkul mankhum-uy huymang-to epsessta*
 я-EXPR-NOM пыль как-REL надежда-даже нет:PAST:ASSERT
 ‘У меня не было ни малейшей надежды’ (букв.: ‘даже как пыль’)

(61) *ney hwuson-un ttang-uy thikkul mankhum pwulena*
 твои потомки-NOM земля-GEN пыль как расширяться:CONJ
tongsenampwuk-ulo nelli phecilkesita
 четыре:стороны-DIR шире распространяться:FUT:ASSERT
 ‘твои потомки будут процветать, распространяясь во всем мире’
 (букв. ...распространяться шире на четыре стороны, множась как пыль)

Справедливости ради нужно отметить, что в последнем случае *thikkul* ‘пыль’ употребляется в наречной, а не определительной функции, но наречная функция и вооб-

ще характерна для корейских квантификаторов. Например, если корейскому квантификатору со значением 'море' свойственны только определительные конструкции, соответствующие русским генитивным, – как в *море огня*, то квантификатор со значением 'хвост мыши' выступает как в определительных, так и в наречных конструкциях, а корейский квантификатор 'ноготь' – только в наречной.

Распространенность наречной функции в корейском заставила нас задуматься о ее русском аналоге. Видимо, ближайшим аналогом здесь является постпозитивная предикативность, ср. употребления типа: *Молока надоили – пропасть!* Такого рода постпозитивные конструкции можно было бы квалифицировать как «количественную топикализацию» – обратим внимание, что в русском она возможна далеко не со всеми квантификаторами, ср.: *проблем – бездна, вещей – груда, дел – куча / море / прорва / туча*, но: *Трагический случай породил лавину разговоров* ⇒ ?? *Разговоров породил – лавину*. В то же время, синтаксически количественная топикализация отличается от корейского варианта тем, что в корейском речь идет о наречной функции, которая русским квантификаторам, «помнящим» свое именное прошлое, в общем, чужда. Хотя в русском есть и свои наречные квантификаторы, но фразеологические, ср., например, для малого количества, *с гулькин нос* или *кот наплакал*.

Как кажется, данный небольшой сопоставительный фрагмент дает представление и о дальнейшей программе действий, которая могла бы быть предпринята в плане типологического обследования лексических квантификаторов в языках мира на базе описанной системы русского языка, и о степени сложности задач на этом пути, и о том, насколько захватывающе интересны могут быть результаты выполнения такой программы.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

- Апресян 1986 – Ю.Д. *Апресян*. Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира // Семиотика и информатика. Вып. 28. 1986 (перепечатано в [Апресян 1995]).
- Апресян 1995 – Ю.Д. *Апресян*. Образ человека по данным языка: попытка системного описания // Ю.Д. *Апресян*. Избранные труды. Т. II: Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.
- Арутюнова 1976 – Н.Д. *Арутюнова*. Предложение и его смысл. М.: Наука, 1976.
- Баранов, Добровольский 2007 – А.Н. *Баранов, Д.О. Добровольский*. Аспекты теории фразеологии. М., 2007.
- Левонтина 2004 – И.Б. *Левонтина*. Словарные статьи *куча, гора, груда, ворох* и *кипа* // Ю.Д. *Апресян* (ред.). Новый объяснительный словарь синонимов русского языка. 2-е изд., испр. и доп. М., 2004.
- Ли Су-Хён 2005 – Ли Су-Хён. Когнитивный анализ русских конструкций с именными квантификаторами: Дис. ... канд. филол. наук. М., 2005.
- Ли Су-Хён, Рахилина 2005 – Ли Су-Хён, Е.В. *Рахилина*. Количественные квантификаторы в русском и корейском: моря и капли // Н.Д. *Арутюнова* (ред.). Квантификативный аспект языка. М., 2005.
- Ляшкевич 1985 – А.И. *Ляшкевич*. Именные сочетания со значением метафорического количества. Минск, 1985.
- Майсак 2005 – Т.А. *Майсак*. Типология грамматикализации конструкций с глаголами движения и глаголами позиции. М., 2005.
- Мишулова 1968 – Г.И. *Мишулова*. Существительные с количественным значением в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Л., 1968.
- Перетягко 1972 – Т.П. *Перетягко*. Лексические средства обозначения неопределенно-большого количества предметов: Дис. ... канд. филол. наук. Алма-Ата, 1972.
- Плунгян 2000 – В.А. *Плунгян*. Общая морфология: Введение в проблематику. М., 2000.
- Рахилина 2000а – Е.В. *Рахилина*. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.
- Рахилина 2000б – Е.В. *Рахилина*. «Стой, кто идет?» // Слово в тексте и в словаре: Сб. статей к 70-летию акад. Ю.Д. *Апресяна*. М., 2000.

- Рахилина 2004 – *Е.В. Рахилина*. Контейнер и содержимое в русском языке: наивная топология // Языковые значения: Методы исследования и принципы описания (памяти О.Н. Селиверстовой). М., 2004.
- Рахилина 2007 – *Е.В. Рахилина*. Типы метафорических употреблений глаголов плавания // Т.А. Майсак, Е.В. Рахилина (ред.). Глаголы движения в воде: лексическая типология. М., 2007.
- Тихонова 1971 – *М.Ю. Тихонова*. Лексико-фразеологическая микросистема ‘много’ в современном русском языке: Дис. ... канд. филол. наук. Самарканд, 1971.
- Успенский 1979 – *В.А. Успенский*. О вещных коннотациях абстрактных существительных // Семиотика и информатика. 1979. Вып. 11 (перепечатано в: Семиотика и информатика. 1997. Вып. 35).
- Aikhenvald 2000 – *A.Y. Aikhenvald*. Classifiers: a typology of noun categorization devices. Oxford, 2000.
- Borschev, Partee 2004 – *V.B. Borschev, B.H. Partee*. Genitives, types, and sorts // Ji-Yung Kim, Y.A. Lander, B.H. Partee (eds.). Possessives and beyond: semantics and syntax. Amherst (MA), 2004.
- Bourdin 1997 – *Ph. Bourdin*. On goal-bias across languages: modal, configurational and orientational parameters // B. Palek (ed.). Proceedings of LP’96. Typology: prototypes, item orderings and universals. Prague, 1997.
- Cadiot 1994 – *P. Cadiot*. Représentations d’objets et sémantique lexicale: qu’est-ce qu’une boîte? // French language studies. № 4. 1994.
- Corbett 1991 – *G.G. Corbett*. Gender. Cambridge, 1991.
- Dönninghaus 2001 – *S. Dönninghaus*. *Море людей и пропавший цвет*. Метафоры неопределенного количества // А. Киклевич (ред.). Количественность и градуальность в естественном языке. München, 2001.
- ICLC 2005 – *Lee Su Hyoun, E.V. Rakhilina*. MORE IS UP? More kinds of more: Evidence from Russian and Korean // IX-th International cognitive linguistic conference. Seoul, 2005.
- Fauconnier 1997 – *G. Fauconnier*. Mappings in thought and language. Cambridge, 1997.
- FASL 2005 – *Lee Su Hyoun*. The nominal quantitative construction in Russian // Formal approaches to Slavic linguistics. 13. Ann Arbor (MI), 2005.
- Fillmore 1983 – *Ch.J. Fillmore*. How to know whether you’re coming or going // G. Rauh (ed.). Essays on deixis. Tübingen, 1983.
- Franckel, Paillard 1997 – *J.-J. Franckel, D. Paillard*. Les emplois temporels des prépositions: le cas du *sur* // A. Borillo et al. (eds.). Variations sur la référence verbale, 199–211 (Cahiers Chronos 3). 1997.
- Heine, Kuteva 2002 – *B. Heine, T. Kuteva*. World lexicon of grammaticalization. Cambridge, 2002.
- Hopper, Traugott 2003 – *P. Hopper, E. Traugott*. Grammaticalization. Cambridge, 1993.
- Ikegami 1987 – *Y. Ikegami*. ‘Source’ vs. ‘goal’: A case of linguistic dissymmetry // R. Dirven, G. Radden (eds.). Concepts of case. Tübingen, 1987.
- Lakoff 1987 – *G. Lakoff*. Women, fire and dangerous things: What categories reveal about the mind. Chicago, 1987.
- Lakoff, Johnson 1980 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Metaphors we live by. Chicago, 1980. [русск. пер.: *Дж. Лакофф, М. Джонсон*. Метафоры, которыми мы живем. М., 2004].
- Lakoff, Johnson 1999 – *G. Lakoff, M. Johnson*. Philosophy in the flesh: the embodied mind and its challenge to western thought. Neu York, 1999.
- Langacker 1987 – *R. Langacker*. Foundations of cognitive grammar. V. 1: Theoretical prerequisites. Stanford, 1987.
- Langacker 1991 – *R. Langacker*. Concept, image and symbol: The cognitive basis of grammar. B., 1991.
- Lee 2000 – *H.S. Lee*. The understanding of grammaticalization theory // Cognitive linguistics. Seoul, 2000.
- Michaelis 2006 – *L.A. Michaelis*. Construction grammar // K. Brown (ed.). The encyclopedia of language and linguistics. 2-e ed. V. 3. Oxford, 2006.
- Partee 1986 – *B. Partee*. Noun phrase interpretation and type-shifting principles // J. Groenendijk, D. de Jongh, M. Stokhof (eds.). Studies in discourse representation theory and the theory of generalized quantifiers. Dordrecht, 1986.
- Partee 2007 – *B. Partee*. Compositionality and coercion in semantics: The dynamics of adjective meaning // G. Bouma et al. (eds.). Cognitive foundations of interpretation. Amsterdam, 2007.
- Rakhilina 2003 – *E.V. Rakhilina*. The case for Russian genitive case reopened // W. Browne et al. (eds.). Formal approaches to Slavic linguistics: The Amherst meeting 2002. Ann Arbor, 2003.
- Vandeloise 1994 – *C. Vandeloise*. Methodology and analyses of the preposition // Cognitive linguistics. 1994. № 5.2.